К вопросу о функциональности правосудия

СЕРКОВ Петр Павлович, профессор кафедры административного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

E-mail: serkov_pp@vsrf.ru

В продолжение исследования понятий судоустройства и судопроизводства, их соотношения, а также взаимосвязи специализации судов с функцией правосудия (Журнал российского права. 2016. № 12. С. 162—174) автор рассматривает дискуссионный вопрос о multifunctionality правосудия. В правовой науке высказываются различные точки зрения по данной проблематике, которые сводятся к тому, что функциональное разделение правосудия связывается с процессуальной детализацией деятельности судов. При этом отсутствует достаточное обоснование подобных версий.

Основной целью исследования является определение функционального содержания органов судебной власти. Задачи настоящей работы вытекают из ее цели и заключаются в том, чтобы проанализировать научные подходы о multifunctionality правосудия, определить соотношение судебного контроля и правосудия, рассмотреть функциональное содержание конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Методологическую основу исследования составляет анализ механизма правоотношения.

На основе его рассмотрения в конституционном, гражданском, административном и уголовном судопроизводстве сделан вывод об их однородности по своей направленности на конкретику справедливости разрешения социальных конфликтов. Соответственно, это говорит о единой сфере деятельности органов судебной власти. В связи с этим автор указывает на несостоятельность мнений о функциональном разделении правосудия, конституционного и судебного контроля. Судебный контроль понимается как одна из форм реализации единой функции правосудия.

Ключевые слова: функции правосудия, multifunctionality правосудия, правосудие, судебный контроль, судебная власть, судопроизводство.

To the Question of the Functionality of Justice

P. P. SERKOV, professor at the Russian State University of Justice, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation

69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117418

E-mail: serkov_pp@vsrf.ru

In the continuation of the research of the definitions of the judicial organization and judicial proceedings, their correlation, and also the relationship between the court specializations and the function of justice (Russian Journal of Law. 2016. No. 12), this article is devoted to the discussion on multifunctionality of justice. There are different point of views in the legal science. But all of them say that the functional division of justice is linked with the procedural detailing of the court activities. However, there is no sufficient justification for such position.

The primary goal of this research is to define the functional content of the judicial authorities. The objectives of the research are determined by its goal. They are: to analyze the scientific approaches on multifunctionality of justice, to determine the ratio of judicial control and justice, as well as to learn the functional content of constitutional, civil, administrative and criminal proceedings.

The methodological basis of this study is an analysis of the legal relationship mechanism.

On the basis of its consideration from the point of view of constitutional, civil, administrative and criminal proceedings the author made a conclusion on their uniformity in the context of the fairness in resolving social conflicts. Accordingly, this indicates a common sphere of activity of the judiciary. In this regard, the author points to the failure of views on the functional division of justice, constitutional and judicial control. Judicial control is understood as one of the forms of implementation of a single function of justice.

Keywords: functions of justice, multifunctionality of justice, justice, judicial control, judicial power, judicial proceedings.

DOI: 10.12737/art_2018_3_9

В настоящее время российское правосудие как общепризнанный способ справедливого разрешения любых конфликтов находится в сфере пристального научного внимания. В принципиальном плане такая ситуация несомненно является отрадной.

Вместе с тем обоснованность некоторых научных суждений не представляется убедительной. К такому можно отнести доводы относительно многофункциональности правосудия.

В первую очередь отметим, что эта гипотеза представлена достаточно «бедным» обоснованием, в связи с чем не удастся проследить конкретику логики авторских рассуждений. Так, по мнению Н. А. Колоколова, «ряд правоведов считает, и совершенно небеспочвенно, что помимо рассмотрения и разрешения конкретных дел, то есть правосудия, судопроизводства, судебная власть осуществляет и иные функции. Однако при этом вопрос о том, *какие именно, остается пока открытым* (курсив мой. — П. С.)»¹. Такие мысли вполне можно отнести к интуитивным предположениям, но не к доказательствам осуществления судом иной функции кроме правосудия. Подтверждением этому служат доводы названного автора: «Следовательно, функция судебной власти также представляет собой не нечто нерасчлененное целое, а сложное, богатое содержанием внутренне противоречивое явление, включающее в себя определен-

ный набор элементов и связей, отношений между ними»².

Жизнеспособность данных гипотез предопределяет не общие рассуждения, а конкретный анализ «определенного набора элементов и связей», прежде всего через призму правовых норм, регулирующих судоустройство и судопроизводство, включая конституционное. Кстати, «сложное, богатое содержание внутренне противоречивого явления» может иметь место и в «нерасчлененном целом». Так, при явно не совпадающих между собой исходных начал, «комплектующих» судопроизводство, оно формируется в полноценный правовой институт.

В частности, при достижении конкретики справедливости в ходе разрешения материально-правовых конфликтов должны быть приоритетно обеспечены такие качества правосудия, как объективность и беспристрастность суда, разрешающего конфликт, а также его компетентность и доступность. Выполнение названных принципиальных положений предопределяет необходимость введения в судопроизводственный процесс правовых норм, регулирующих состав суда, подсудность дел и т. п.

Кроме того, судопроизводственный процесс во всяком случае должен предусматривать правила возбуждения, рассмотрения и завершения судебного дела. А ведь каждая из трех названных стадий требует

¹ Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007.

² Колоколов Н. А. Указ. соч. Здесь понятие «функция» использовано в единственном числе и теперь не ясно, речь идет об одной функции или нескольких.

своей дополнительной детализации процессуальных правил. Например, обязательными слагаемыми деятельности суда выступают принципы состязательности, всесторонности и непосредственности судебного исследования, а также право на защиту независимо от категорий разрешаемых конфликтов. Каждый из принципов, в свою очередь, обладает спецификой, соответственно, и реализация предполагает конкретику регулирования.

Высказываются точки зрения, что «назначением суда в государстве» является правосудие, конституционный контроль и судебный контроль. Более того, «по мере понимания обществом значимости судебной защиты, функции судебной власти будут дополняться, и судебная власть будет расширять свою многофункциональность»³. Данная гипотеза определяется как интегративная, полифункциональная, «а функция осуществления правосудия является главенствующей, но не единственной (Н. В. Витрук, Н. А. Колоколов, Л. А. Воскобитова и др.)»⁴.

Вместе с тем процессуальная детализация деятельности органов судебной власти не позволяет согласиться с предлагаемым функциональным разделением правосудия.

А. Ф. Изварина также полагает, что суды «*наряду* (курсив мой. — П. С.) с осуществлением функции правосудия осуществляют и функцию судебно-конституционного контроля»⁵. При этом осталось неясным, почему автор использовал дефиницию «*наряду*», отделив правосудие от судебного контроля и создав ситуацию их гипотетического сопо-

ставления. В то же время это сопоставление как раз и не было проведено.

Еще один автор утверждает, что «судебная деятельность по осуществлению правосудия облечена в особую процессуальную форму, поскольку суд призван не только разрешать общественные конфликты, но и активно участвовать в системе “сдержек и противовесов”, осуществлять судебный контроль деятельности других ветвей власти, особенно исполнительной»⁶. Судя по всему, в системе сдержек и противовесов «общественные конфликты» автором исключаются и снова без приведения соответствующего обоснования.

Если гипотетически согласиться с тем, что органы судебной власти исполняют функцию правосудия и *отдельно* функцию судебного контроля, значит, эти функции должны различаться по своим целям. В связи с этим будет уместно обратить внимание на три функции судопроизводства — регулятивную, контрольную и охранительную⁷. Каждая из них, решая свои непосредственные задачи, в то же время незримо связана с другой. Причем контрольная и охранительная функции соподчинены функции регулятивной, потому что без регулирования нечего будет контролировать и охранять. В целом же за счет этих функций судопроизводственный процесс становится способным решать задачи справедливого правосудия.

Принцип системности научных предложений о многофункциональности деятельности органов судебной власти предопределяет, что

³ Изварина А. Ф. Судебная система России (концептуальные основы организации, развития и совершенствования). М., 2014. С. 16—31.

⁴ Сачков А. Н. Судебная власть: методология правового исследования. М., 2013. С. 89.

⁵ Изварина А. Ф. К вопросу о функциях судебной власти // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2009. № 4. С. 13—17.

⁶ Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство. Проблемы единства и дифференциации. СПб., 2011. С. 26. При этом автор ссылается на И. В. Решетникову и В. В. Яркова.

⁷ См.: Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М., 2012. С. 234—255.

должны быть выявлены различающиеся цели правосудия и цели судебного контроля. Вряд ли можно спорить с тем, что главной целью правосудия является достижение справедливости, но тогда требуется объяснить, чем справедливость в правосудии отличается от справедливости в судебном контроле. Не должно быть неопределенности и в вопросах о том, какие конкретные задачи решает правосудие, а какие — судебный контроль. Ведь «наряду» (А. Ф. Изварина) означает, что правосудие и судебный контроль осуществляются хотя и в одних условиях, но параллельно.

Кроме того, необходимо обосновать, что же представляет собой суммарное отображение правосудия и судебного контроля как «нерасчлененное целое»; если это «частности», то они должны объединяться в какое-то «общее». Выше говорилось о соподчиненности контрольной и охранительной функции судопроизводства регулятивной функции и называлась смысловая нагрузка такой «иерархии». Соответственно, должны быть выявлены закономерности взаимодействия каждой из трех названных функций раздельно в правосудии и раздельно в судебном контроле. Вопросов здесь возникает много, но ответов на них не находится.

При уяснении функциональной нагрузки правосудия следует не просто констатировать участие органов судебной власти в системе сдержек и противовесов, но и учитывать актуальность справедливости, служащей фундаментом, на котором возводится конструкция судопроизводства. Важность такого подхода объясняется тем, что отличительной процессуальной характеристикой судебной власти служат юрисдикционные полномочия.

Традиционная характеристика судебной власти посредством судебной системы или обладания судами исключительными полномочиями на разрешение конфликтов и даже су-

дебной юрисдикцией не совсем точно отражает ее сущность⁸. Природа правосудия проистекает из надления *только* суда *юрисдикционными* полномочиями на разрешение конфликта⁹. У законодательных и исполнительных органов власти юрисдикционных полномочий не имеется, их полномочия тоже исключительные, но иного свойства, например на принятие закона или на задержание правонарушителя.

Бесспорно, что особенности материально-правового конфликта, например гражданско-правового спора или уголовного дела, влияют на конкретику судебных полномочий, но в любом случае они относятся к разряду юрисдикционных, т. е. наполнены специфическим свойством *родовой* государственной обязанности на разрешение конфликтов, во исполнение которой органы судебной власти наделяются необходимыми полномочиями. Основываясь на справедливости как на фундаментальном принципе правового регулирования, в контексте ст. 10 Конституции РФ через юрисдикцию устанавливается квота государственной власти национальных

⁸ См.: Кобликов А. С. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. С. 26; Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С. 48; Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: сб. трудов. Самара, 1999. С. 186, 192, 198; Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 11, 12, 45; Кладий Е. В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7, 9, 16; Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 24; Организация деятельности судов: курс лекций для вузов / отв. ред. Н. А. Петухов. М., 2005. С. 9.

⁹ Подробнее см.: Серков П. П. Указ. соч. С. 291.

органов правосудия. Собственно судоустройство, а также судопроизводство как система правовых норм в их неразрывной связанности регулируют распоряжение судебной властью юрисдикционными полномочиями.

Если в функцию правосудия не включать судебный контроль, то требуется объяснить объективность причин, по которым *необходимо* разделять юрисдикцию не по видам конфликтов, а по сущностному назначению. Соответственно, при такой дифференциации каким-то образом должна проявить себя специфика целей правосудия и целей судебного контроля. Например, должно быть понятно, по каким признакам юрисдикционные «правосудные» полномочия отличаются от юрисдикционных «контрольных» полномочий. Как следствие, тогда и правовое регулирование правосудия и судебного контроля должно различаться, в частности, по параметрам объективности и беспристрастности. Если ничего этого нельзя сделать, то в чем же заключается рациональность разделения правосудия и судебного контроля?

А. Ф. Изварина, разделяя правосудие, конституционный контроль и судебный контроль, полагает, что «в рамках функции (как направление воздействия права на общественные отношения) правосудие осуществляет: 1) контроль за конституционностью нормативных и правоприменительных актов; 2) сдерживание, уравнивание законодательной и исполнительной власти; 3) применение в необходимых случаях мер предупредительного воздействия и мер государственного принуждения; 4) обеспечение общественной и правовой ценности судебных актов как актов правосудия (обратить на это внимание), устанавливающих наличие данного права факта его нарушения и ликвидирующих конфликт»¹⁰.

Приведенные доводы интересны тем, что здесь направленность на разделение правосудия и судебного контроля практически незаметна. Не случайно, характеризуя правосудие в четырех пунктах, автор никак не обозначила, чем «правовая ценность судебных актов как актов правосудия» различается в трех предыдущих пунктах. В условиях отсутствия устойчивых правовых критериев, разделяющих функции органов судебной власти, это замечание показательно само по себе.

При таких обстоятельствах говорить о том, что уверенность в справедливую деятельность органов судебной власти вселяется в общество правосудием и отдельно — судебным контролем, будет явно неправильно. Следует обязательно учитывать, что такое доверие нельзя разделять на составляющие и создавать иллюзорную ситуацию, когда за отдельно взятый отрезок времени правосудие может укреплять и повышать такое доверие, а контрольные полномочия, напротив, будут снижать этот уровень или наоборот. В свою очередь, невозможно отрицать, что недоверие к суду за осуществление контрольных полномочий будет подрывать доверие к правосудию в целом.

Имеет значение и то, что при всей дискуссионности вопроса о сущности судебной практики не предлагается делить ее на правосудную и контрольную¹¹.

Признание Конституционного Суда РФ судебным органом конституционного контроля (ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») не может служить основанием для интерпретации его функ-

¹¹ См., например: Малько А. В., Семикин Д. С., Гайдидей Ю. М. Судебная система и судебная политика в современной России: проблемы теории и практики: монография. М., 2014. С. 67—81 (гл. 6 «Судебное право и судебные акты»).

¹⁰ Изварина А. Ф. Указ. соч. С. 17.

циональной нагрузки, в том числе потому, что согласно ст. 115 этого же Закона доступ граждан и их объединений обеспечивается к конституционному правосудию. Нельзя также не учитывать, что многие авторы исследуют конституционное судопроизводство под общей рубрикой (от лат. *guber* — красный) конституционного правосудия¹².

Предложения об интегративной функциональности правосудия приводят к тому, что по правилам формальной логики Конституционный Суд РФ не осуществляет правосудие, тем не менее входит в судебную систему. Соответственно, регулирование деятельности Конституционного Суда РФ означает регулирование судебной системы, но не правосудия. Складывается довольно курьезная ситуация, которая не обсуждается, и понятно, что выхода из этой логической ловушки не предлагается.

Несостоятельность функционального разделения правосудия и судебного контроля подтверждается сравнительным анализом четырех видов судопроизводства. Гражданское судопроизводство изначально не обладает контрольными качествами, так как не используется в системе сдержек и противовесов. Возможности косвенного контроля (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ) затрагивают лишь вопросы приемлемости нормативного правового акта в кон-

кретной ситуации. О нем нельзя говорить как о самостоятельно регулируемом судопроизводстве.

Наиболее ярко выражены контрольные полномочия у конституционного судопроизводства и административного судопроизводства. Контрольные полномочия органов судебной власти регулируются также уголовным судопроизводством, как это следует из ст. 125 УПК РФ, и производством по делам об административных правонарушениях согласно ч. 4 ст. 30.1 КоАП РФ.

Это не означает, что указанные полномочия тождественны полномочиям Конституционного Суда РФ. Вместе с тем включение контрольных полномочий, в частности, в уголовное судопроизводство не отменяет общей направленности правосудия на достижение конкретной справедливости в общественных отношениях. Данное регулирование не свидетельствует о возможности деления регулятивного, контрольного и охранительного потенциала названного судопроизводства на правосудный и контрольный.

Соответственно, регулятивный, контрольный и охранительный потенциал конституционного судопроизводства не позволяет *реально*, а не в теоретических рассуждениях отъявлять правосудие и признать монополию на судебный контроль. Ведь гарантии судебной защиты, предусмотренные ст. 46 Конституции РФ, предполагают нераздельное правосудие, а не специфику юрисдикционных полномочий. Как следствие, и Конституционный Суд РФ, рассматривая, в частности, обращения об оспаривании норм Уголовного кодекса РФ, учитывает принцип справедливости, предусмотренный ст. 6 УК РФ¹³.

¹² См.: Шмавонян Г. А. Конституционное правосудие в системе разделения властей. М., 2001; Кайнов В. И., Сафаров Р. А. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учебник. М., 2014; Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс. М., 2011; Жилин Г. А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4. С. 1—5; Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М. С. Саликов. М., 2004. С. 11; Несмелова С. Э. Конституционный судебный процесс России: учеб. пособие. М., 2012. С. 24.

¹³ См. определение КС РФ от 23 декабря 2014 г. № 2826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белявского Валерия Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом “з” части второй статьи 105 и частью четвер-

Здесь не идет речь об оценке значимости судебного контроля, осуществляемого Конституционным Судом РФ. Понятия «значимость» и «функция» абсолютно не совпадают, характеризуются совершенно разными критериями, и смешивать их не следует. В связи с этим оценка особых юрисдикционных полномочий Конституционного Суда РФ должна производиться не путем искусственного дробления функции правосудия, а отражением масштабности решаемых задач. В таком контексте, вероятно, допустимы и политические ассоциации¹⁴. Но в любом случае правосудие выступает единственным параметром, структурирующим деятельность органов судебной власти.

Заслуживает внимания и, условно говоря, интеллектуальная сторона правосудия. Как известно, оно осуществляется судьями, и поэтому вполне допустимо его определение в качестве их мыслительной деятельности¹⁵. По выводам Н. А. Вла-

той статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; постановление КС РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан».

¹⁴ См.: Овсепян Ж. И. Судебный конституционный контроль в Российской Федерации: проблемы деполитизации (сравнительный анализ) // Государство и право. 1996. № 1. С. 8—13; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003. С. 678; Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1990—2001). М., 2001. С. 73—74; Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 128.

¹⁵ Данный ракурс к тому же дополнительно подтверждает нерациональность отождествления юридического процесса с деятельностью органов правосудия.

сенко, «юридический разум — это разум, внедренный в право, и достижение точности правовой регламентации говорит в пользу разумности и “определенности” как важнейшего звена человеческой жизни»¹⁶.

В свою очередь, «польза разумности и определенности» не позволяет утверждать, что силлогистические операции с «разумом, внедренным» в ст. 6 УК РФ при рассмотрении уголовного дела, т. е. за счет возможностей уголовного судопроизводства, принципиально отличаются от таковых же в конституционном или административном судопроизводстве¹⁷. По крайней мере в научной литературе не говорится о функциональных особенностях, например, оценки заключения экспертов при осуществлении правосудия и судебного контроля как самостоятельной функции.

Применительно к гипотезе о многофункциональности судебной власти необходимо обратиться к механизму правоотношений. Вряд ли можно спорить с тем, что потребность в конкретике справедливости не выступает идейным началом формирования любого из четырех видов судопроизводства как неотъемлемого свойства правосудия и одновременно его основополагающей целью. Поэтому *однозначно* напрашивается вывод, что все виды судопроизводства однородны по своей направленности на справедливое разрешение *любых* конфликтов.

В связи с этим *объективно неразличимы* правовые характеристики объекта правоотношения, достигаемого в результате правосудия и в

¹⁶ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015. С. 150.

¹⁷ В первом случае, по версии сторонников рассматриваемой многофункциональности, осуществляется правосудие, а во втором — судебный контроль. Разделение судебного контроля на судебный-конституционный и просто судебный для данной темы не является принципиальным.

результате судебного контроля. Неизвестно также, по каким правовым критериям можно различать правовые статусы субъектов правоотношения в спорах о «правосудии» и о «судебном контроле». Совпадающие в своей основе характеристики объектов и правовые статусы субъектов возникающих и развивающихся «конфликтных» правоотношений с неизбежностью обуславливают идентичность природы субъективных прав и обязанностей как в правосудии, так и в судебном контроле.

Специфика юрисдикционных полномочий каждого судопроизводства, конечно, вносит свои нюансы в механизм конфликтных правоотношений, но речь идет не о них, а об отсутствии правовых критериев, отделяющих правоотношение «правосудное» от правоотношения «контрольного».

В связи с этим *сферой деятельности* органов судебной власти выступают в том числе и общественные конфликты в системе «сдержек и противовесов» (Е. В. Слепченко). Как следствие, «контроль за конституционностью нормативных и правоприменительных актов» и «сдерживание, уравнивание законодательной и исполнительной власти» представляет собой *одну и ту же работу* органов судебной власти и не «наряду с функцией правосудия» (А. Ф. Изварина), а путем ее *прямого* исполнения. Соответственно, «правоприменительная функция судебной власти» (Т. В. Соколов) как ветви государственной власти есть не самостоятельная функция, а исполнение функции правосудия. Правоприменительная деятельность суда составляет суть *правосудной* деятельности и наделять ее разной смысловой нагрузкой не то что нецелесообразно, а не-

допустимо, ибо такой подход снова создает иллюзию наличия того, что на самом деле не существует. Детализация на предварительный и последующий судебный контроль в принципиальном плане ничего не меняет. В первом случае возникновение конфликтов предупреждается, а во втором — они разрешаются как реальность общественной жизни.

Итак, именно от *роли правосудия* в качестве единой *сферы деятельности* органов судебной власти путем *прямого* исполнения *одной и той же работы* зависит справедливость как изменяемая категория общественной жизни.

Без детального отрицания приведенного постулата крайне сложно признать актуальными и убедительными утверждения о полифункциональности правосудия. Более того, используемый несовершенный инструментарий доказывания многофункциональности правосудия не развивает, а, напротив, затрудняет научное уяснение сущности феномена правосудия. Кроме того, такой подход неизбежно ослабляет функцию правосудия, так как и при доктринальном движении по пути разделения функций судебной власти сложно прогнозировать эффективность «развития и совершенствования судебной системы» (А. Ф. Изварина).

Можно сделать вывод, что в отсутствие такого обоснования судебный контроль должен пониматься как частная форма реализации общей функции правосудия наряду, например, с рассмотрением дела о расторжении брака или о совершении преступления. Явление же, называемое полифункциональностью, следует определять специализацией правосудия.

Библиографический список

- Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003.
Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1990—2001). М., 2001.
Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс. М., 2011.

- Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015.
- Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8.
- Жилин Г. А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.
- Изварина А. Ф. К вопросу о функциях судебной власти // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2009. № 4.
- Изварина А. Ф. Судебная система России (концептуальные основы организации, развития и совершенствования). М., 2014.
- Кайнов В. И., Сафаров Р. А. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учебник. М., 2014.
- Кладий Е. В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
- Кобликов А. С. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991.
- Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007.
- Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М. С. Саликов. М., 2004.
- Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999.
- Малько А. В., Семикин Д. С., Гайдидей Ю. М. Судебная система и судебная политика в современной России: проблемы теории и практики: монография. М., 2014.
- Несмеянова С. Э. Конституционный судебный процесс России: учеб. пособие. М., 2012.
- Овсепян Ж. И. Судебный конституционный контроль в Российской Федерации: проблемы деполитизации (сравнительный анализ) // Государство и право. 1996. № 1.
- Организация деятельности судов: курс лекций для вузов / отв. ред. Н. А. Петухов. М., 2005.
- Сачков А. Н. Судебная власть: методология правового исследования. М., 2013.
- Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М., 2012.
- Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство. Проблемы единства и дифференциации. СПб., 2011.
- Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003.
- Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: сб. трудов. Самара, 1999.
- Шмавонян Г. А. Конституционное правосудие в системе разделения властей. М., 2001.
- Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997.
-